

Инна КИМ

«БЕЗ ПОСЫЛА ЛЮБВИ И РУКА К КИСТИ НЕ ПОТЯНЕТСЯ»

Сибирский художник Константин Дверин

Кто-то сравнивает его с Эндрю Уайетом. Кто-то — с Питером Брейгелем Старшим, у которого было знаковое прозвище «Мужицкий». Российского живописца Константина Дверина действительно многое роднит со знаменитыми художниками. И дело, конечно же, не в манере письма или в цветовой гамме. Главное — почти физически осязаемая любовь, которая исходит от картин Брейгеля, Уайета, Дверина.

Из родовой памяти

Сибирский художник языком живописи рассказывает собственную историю о жизни и смерти, о добре и зле, о творчестве и человечности, о горечи и свободе одиночества, о страсти и терпении, о невыносимом восхищении красотой и величием мира и человеческой душой. И каждым своим мазком признаётся в любви — Человеку, миру, жизни!

Неудивительно, что Константин Генрихович известен далеко за пределами Сибири. Его работы находятся в коллекциях Русского центра США в Вашингтоне, Московского союза художников, музея Владимира Семеновича Высоцкого, в частных коллекциях Никиты Михалкова, Иосифа Кобзона, Романа Абрамовича, Пьера Ришара и многих других. Его персональные выставки проходили в театре «Содружество актеров Таганки», Московском доме национальностей, Государственной Думе, Центральном доме художника в Москве, на кинофестивале в Берлине.

И везде картины живописца Дверина вызывают восхищение. Да потому что они не просто трогают — переворачивают душу.

Они стопроцентно узнаваемые — будто Константин Генрихович берет их сюжеты напрямую из родовой памяти, из жизни давно ушедших поколений, из детства тысяч людей, которые называют себя русскими. И, разумеется, из собственного детства, которое прошло на окраине кузбасского города Новокузнецка, где художник родился и практически неотлучно все время живет.

Быт, превращенный в бытие

Предметный ряд в работах Константина Дверина будто несет на себе печать заброшенности и одинокого умирания. На протяжении десятков лет художник с неподдельной нежностью пишет покосившиеся, потемневшие от времени дома, стайки, баньки и покореженные годами, давно отжившие свой срок обыкновенные предметы домашнего обихода. Но все они сохраняют тепло прикасавшихся к ним человеческих рук, все они искренним даром художника оживлены, одушевлены и из объектов быта превращены в субъекты бытия.

Очевидно, что сам художник испытывает светлую ностальгию по этим избушкам, печкам, заборам, приставленным к стене сарая и словно уходящим на небо заснеженным лестницам. Но они не исчезли из нашего мира. Во всяком случае — пока. Чтобы увидеть воспеваемые Константином Двериним родные образы, достаточно немного отойти от «парадных подъездов» — да хоть на окраину своего города.

Константин Генрихович объясняет: «Я рисую жизнь такой, какова она есть, как говорится, то, что лежит у нас под ногами». Показывая ее непарадной, настоящей, живописец любителю Человеком и незамысловатыми деталями его быта, размышляет об одиночестве и смерти.

Двор отца

Кто знаком с творчеством художника Константина Дверина, хорошо знает: он рисует двор своего отца всю жизнь. По памяти — потому что его давно уже нет. Этот двор то залит солнцем летнего дня, то волшебным мерцает лунными искрами на высоких волнах разноцветных сугробов. И кажется, можно запрокинуть лицо в небо и ловить порхающие бабочки снежинок и колючие крошки звезд!

Понятно, что этот двор — не просто двор. Эта метафора детства и нежности к человеку, когда-то очень важному и дорогому, но давно и далеко ушедшему, так что его уже ни за что не вернуть.

Художник изображает обычные предметы повседневного мира, делая их необыкновенными, очеловеченными, превращенными в овеществленные метафоры. Скрученные в единое целое деревья словно распяты и обожжены прошедшей стужей жизни, они раскачивают голыми ветками-руками, как большие бегущие люди. А хромые избушки за неприютными заборами с покосившимися ветхими калитками робко улыбаются теплыми огоньками окошек-глаз.

Иконописные старики

Подобны этим деревьям с натруженными узлами корней, земле в мягких морщинах пригорков, лучистой теплоте выцветшего от долгого солнца неба, нуждающимся в заботе кривобоким и щелястым избушкам, заборам, стайкам целые галереи дверинских иконописных стариков.

Каждый портрет, и правда, как икона! Каждый смотрит прямо тебе в душу. Ласковые и лукавые, улыбающиеся в глубине своих глаз, они трогают до слез. И будто въяве звонко стучается о пустое жестяное ведро картошка. Чуть влажно, пряно пахнет разворошенной землей. Бабушка пригорюнилась в ладошку — умаялась. Дед щурится, курит, обдумывая прожитый день — и жизнь.

И вместе с Константином Двериным ты молишь и веришь: эти старики никогда не умрут! А, устроившись на мягком облачке, будут болтать ножками. На руках старухи станет мурлыкать кот. А на коленях старика задремлет, свернувшись меховым калачиком, верный друг — собака. Такие же старые, добрые и любимые, как их хозяева.

Это мы

Любовно прорисованные дверинские коты, собаки, лошади смотрят с картин практически по-человечьи. Просто они — это мы.

Хмурые и улыбчивые. Встревоженные и умиротворенные. Заботливые. Испуганные. Беззаветно преданные. До смерти уставшие и совсем юные, любопытные, только-только пришедшие в этот мир и удивленно хлопающие золотыми ресничками. Готовые в любую минуту сорваться и до последней капли крови биться за свою семью. Способные отдать жизнь ради того, что любят.

Родной мир

Художник из Новокузнецка создает живой, родной, прекрасный мир, с огромной искренней любовью прорисовывая его повседневную подробность и метафоричность. А «без посылы любви и рука к кисти не потянется» — говорит сам живописец.

И этот мир настолько реален и настолько любим, что ты мгновенно ощущаешь себя его частью, словно попадая внутрь рамы — и в собственные воспоминания. Вот ты шлепаешь босыми ногами по летнему речному мелководью, где сквозь солнечную рябь просвечивают прыскающие в стороны рыбки, а вода желто-зеленая от солнца и кустов, пятнами светотеней лежащихся на гальку.

Или мечтательно кружишься вместе с непроглядным прохладным кружением гладкокожих берез. Или идешь, торопишься по продуваемому осенним ветром пустырю, а вид мягкого белого снега на сухой пижме рождает печальные мысли о том, что все конечно — и ты тоже.

Золотой свет жизни

Но не одну грусть навеивает мастерски создаваемая художником гармония. В дверинских портретах и пейзажах будто звучит расплескавшаяся музыка золотых светотеней. Они буквально переполнены светом жизни.

Тот просачивается сквозь дверные щели, делая мир внутри деревенской баньки таинственно-полосатым. Полощется на белье, которое взлетает и грохочет от веселого солнечного ветра во дворе летнего дня. Золотым нежным жаром гудит и ворочается в огненном зеве натопленной печки. Эх, присесть бы перед распахнутой раскаленной дверцей и, не торопясь, ворошить кочергою огонь!

Преклонение перед мастерами прошлого

В основе творчества Константина Дверина лежит его неиссякаемый интерес к традициям реалистической школы живописи. Еще в детстве, когда он посещал изостудию Дворца пионеров, его педагог привила будущему художнику настоящий пиетет перед русской классикой XIX века.

И Константин Генрихович сохранил это благоговение до сих пор. Более того! Продолжая совершенствовать свое мастерство, он неизменно остается в четко обозначенных для себя стилевых рамках.

Кроме того, живописец переплавил в собственном творчестве атмосферу и образы солнечных итальянцев и сумрачных германцев. В своих картинах он с искренним восхищением цитирует Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Альбрехта Дюрера.

Константин Генрихович не боится идти на эксперименты, по сути являющиеся актами благоговейного преклонения перед великими мастерами прошлого. Так, сибирский художник создал свой вариант неоконченного гением Высокого Возрождения шедевра «Поклонение волхвов».

Признание в любви

А после оригинального признания в любви Леонардо да Винчи живописец из Новокузнецка написал сложносочиненное, необычное «Поклонение Микеланджело», центром которого сделал Давида — пожалуй, самую известную работу великого итальянца. И не случайно. Ведь при виде Давида просто невозможно не восхищаться красотой и совершенством человеческого тела, юной радостно-сосредоточенной готовностью к схватке с любыми голиафами.

«Сотворение Адама», «Отделение тверди от воды», «Утро» и «Вечер», «День» и «Ночь», сразу две великолепные, оплакивающие Христа пьеты, «Восставший раб» и «Скорчившийся мальчик», «Пророк Иеремия» и «Дельфийская сивилла», «Страшный суд» и «Всемирный потоп» — все эти знаменитые фрески и скульптуры Микеланджело сибирский художник закручивает в круговорот бугрящихся мощью и напряжением мраморных тел, будто продолжающих движение, даже замерев, и словно облитых масляно-желтым солнцем.

Но это не копирование шедевров великого, хотя сияющие тела и сплетены — как на знаменитых фресках Сикстинской капеллы. В своей удивительной работе Константин Дверин сначала превратил знаменитые

микеланджеловские фрески в изваяния из солнечного мрамора, а затем подверг скульптуры всемирно знаменитого итальянца еще одному пре-
вращению — в своеобразную экспрессивную дверинскую живопись.

Все делается для людей

Кажется невероятным, что художник такого уровня, какого достиг Константин Дверин, в принципе, является самоучкой, так как не имеет специального художественного образования. Но это ни в коей мере не умаляет его многогранного таланта.

В начале своего жизненного пути он сменил несколько профессий. Увлекался музыкой, играл на барабанах и на гитаре, вращался в музыкальной среде. Долгое время Константин Генрихович работал художником-оформителем. А настоящим искусством, по собственному признанию, стал заниматься только на заре непростых 1990-х годов.

Сегодня художник по-прежнему работает в разных жанрах — в тематической картине, портрете, пейзаже, натюрморте. Но все его работы наполнены явственной дверинской интонацией — остро драматического восприятия мира, лирического и светло-печального бытописания, гигантской любви к Человеку.

«Мне важно быть честным и видеть благодарность в глазах людей, — признаётся Константин Дверин. — Потому что для людей все и делается».

